

ED MCDONALD

BLACKWING

Raven's Mark
Book One

ЭД МАКДОНАЛЬД

ЧЕРНЫЕ КРЫЛЬЯ

Печать Ворона
книга первая

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)
М15

Серия «Шедевры фэнтези»

Ed McDonald

BLACKWING

The Raven's Mark, Book One

This edition is published by arrangement with Sheil Land Associates Ltd and The Van Lear Agency LLC

Перевод с английского: *Дмитрий Могилевцев*

В оформлении обложки использована иллюстрация

Валерия Петелина

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Макдональд, Эд

М15 Черные крылья / Эд Макдональд. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 478, [1] с. — (Шедевры фэнтези).

ISBN 978-5-17-102660-8

Под небом в трещинах, откуда доносится непрерывный вой, под солнцами иных миров раскинулся Морок, огромная и страшная пустыня, где нет ночи, где легко умереть, где можно встретиться с самым страшным кошмаром. Только Морок создали не монстры. Его создали люди в последней войне с Глубинными королями, таинственными, могущественными и жестокими созданиями. Рихальт Галхэрроу дышит пылью Морока уже двадцать лет, его отряд выслеживает монстров и тех, кто вернулся из пустоши другим. Когда он получает задание сопроводить богатую аристократку в пограничную крепость, Галхэрроу поневоле впутывается в сеть заговоров, которые не только грозят разрушить мир на границе с Мороком, но и ставят под удар единственное оружие людей против Глубинных королей.

Подписано в печать 27.04.2018.

Формат 84 x 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж экз. Заказ № .

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры

Copyright © ECM Creative Ltd, 2017

© Дмитрий Могилевцев, перевод, 2018

© Валерий Петелин, иллюстрация, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

ГЛАВА 1

Их предупредили. Приспешники оставили лишь пустую квартиру да пару-тройку томиков нелегальной поэзии. На столе объедки, ящики шкафа выдвинуты, содержимое разворошено. Преступники спешно собрали пожитки, которые могли унести, и побежали на восток, в Морок. Давно, когда я еще носил мундир, маршал сказал мне, что в Морок уходят только отчаянные, тупые или жадные. Приспешники были из первых. А я собрал с десятков вторых и третьих и отправился убивать беглецов.

Мы вышли из Валенграда после полудня. День был обычный, смердело сточными ямами, убожеством, скверным концом скверного лета. Предложенные деньги не стоят риска, но я зарабатываю охотой на людей и не намерен тянуть с поимкой. Половина команды — жалкое местное отребье, никогда не бывавшее в Мороке. Они чуть не наложили в штаны, как только мы выехали за узкие городские ворота, и милю спустя уже спрашивали про джиллинггов и дульчеров. Через две мили один из них рыдал. Мои

старики посмеивались и успокаивали: мол, вернемся до заката.

Но мы не догнали засранцев и через три дня. Уже никто не смеялся и не успокаивал.

— Они пошли на Пыльную расщелину,— сказал Тнота.

Он повертел круги на астролябии, поднял ее на уровень глаз, чтобы оценить расстояние между лунами.

— Капитан, а я ведь говорил, что туда они и побегут.

— Как в дупу на все сто,— ругнулся я.

Вон следы в песке, мать его. И вправду, напрямик туда.

— Ну дык,— изрек Тнота, ухмыляясь, скаля зубищи: горчично-желтый мазок на лице цвета смолы.— Я-то помню. Ты заявился в бар с бумагами, а я сразу говорю, мол, ставлю на то, что они побегут в ущелье. Значит, мне теперь причитается.

— Даже если б за эту работу прилично платили, ничего тебе не причиталось бы. А нам платят не прилично.

— И кто виноват? Не я выбираю работу,— заявил Тнота.

— Ты прав. Впервые за день. А теперь помолчи и проложи нам курс.

Тнота поднял подзорную трубу к небесам цвета синяка недельной давности. Грязно-золотое, зеленоватое, потрепанно-фиолетовое, уродливое бурокрововое, будто сгусток мяса, лопнувших капилляров и засохших жиж. Тнота посчитал на пальцах, провел невидимую линию от одного месяца к друго-

му. Трещины в небе не давали о себе знать, в клубящихся облаках лишь пробежал шепоток.

В Мороке все не так. Все неправильно. Скорей бы пристрелить ублюдков и повернуть домой!

Мы ехали через дюны из каменного крошева и песка, мимо черных и красных камней, сухих, как соль. Морок будто дышит. Ощущается, как от него что-то исходит — гнусное, злое. Оно просачивается, напитывает, набивается в десны, и ты чувствуешь яд. Чем дальше от Морока — тем лучше.

Наконец, забрав к юго-востоку по черным пескам, мы нашли труп украденной приспешниками лошади. Ей что-то отгрызло ноги. Приспешники поступили умно: отпустили лошадь на волю, а сами кинулись наутек. Но купленное за лошадь спасение не надолго. Теперь мы их точно догоним. Я видел: мои ребята приосанились, взбодрились. К вечеру на наших седлах появится пара голов, и к закату мы отправимся на запад, к границе и цивилизации.

Я вынул из-под плаща фляжку, потряс. И вспомнил, что это уже в четвертый раз. Само собой, в ней не прибавилось ни капли. Бренди иссякло. У нас осталась только бражка, и той кот наплакал. Морок опасен и отряду тяжеловооруженных солдат. А как выжили двое нетренированных, безоружных и неподготовленных гражданских — загадка. И это еще одна причина побыстрее убираться отсюда.

Следы на песке — как открытая книга. Впереди Пыльная расщелина, узкий шрам в земле, разруб среди кочующих дюн, едкого песка и хрупких камней. словно молния прочертила по земле точное отражение трещины в небе, увечье сверху донизу мира.

От небесной трещины донеслось пронзительное выть. Мои ветераны схватились за амулеты и колдовские камни. Да, пусть наемники и крутые ребята, но суеверий у них больше, чем у святоши в праздничный день. Все не меньше меня хотят выбраться из Морюка. Нервничают. А нервные солдаты портят самую простую работу. Хотя только благодушный идиот удостоил бы мое сборище головорезов слова «солдаты».

Когда мы подъехали к склону, уходящему вниз в темноту, я позвал:

— Ненн, вали сюда.

Та опять жевала смолу. Чавкала. Работала челюстями как заведенная. Зубы — черным-черны. Честное слово, по эту сторону ада точно не найти звука, достающего сильнее.

— И с чего тебе взбрело жевать эту дрянь?

— Все леди ее жуют,— ответила она и пожала плечами.

— С какой стати тебе подражать подлизам какой-нибудь дряхлой герцогини с гнилыми зубами?

— Капитан, мода такая. Что уж поделаешь? Надо блюсти репутацию в обществе.

И с какой стати Ненн вздумала, что хоть кому-то взбредет в голову пялиться на ее зубы? Когда на лице некомплект кое-каких частей, зубы вряд ли привлекут внимание. Чавк-чавк-чавк. А-а, бесполезно. Это все равно что советовать Тноте блюсти целомудрие.

Однако я все равно злобно воззрился на Ненн.

— Капитан, есть работа? — осведомилась она, выплюнув комок смолы.

— Идем вниз. Только мы вдвоем.

— Только мы? — равнодушно осведомилась Ненн.

Притом деревянный нос на ее лице и не дрогнул.

— Их всего двое, и то безоружных. Думаешь, не справимся?

— Я боюсь не их, — ответила Ненн и выплюнула смолу. — Да там что угодно может быть. Сквемы. Дульчеры.

— Или большой горшок золота. А вдруг? Вообще говоря, для дульчеров мы слишком далеко на юге.

— А сквемы?

— Кончай сопли распускать. Руки в ноги и вниз. Если хотим денег, обе головы должны быть в целости. А ты же знаешь, как парни работают. Суду только дай повод не платить. А народ у нас увлекающийся. Помнишь, что случилось в Сноске?

Теперь кривиться пришлось Ненн.

— Да уж, помню.

Сноска для всех стал скверным воспоминанием. Потерять деньги за такую работу из-за придинок. Честное слово, я по сей день считаю, что из тех кусков можно было сложить вполне узнаваемое лицо.

— Вот и хорошо. Взбодрись и собирайся.

Я прыгнул наземь. Ноги болели от езды, в крестце стреляло. Лет десять назад такого и в помине не было. Нет привычки подолгу торчать в седле. Теряешь форму. Я всегда повторяю себе, что именно теряю форму, а не старею. Тнота вылез из седла, чтобы помочь мне собраться. Он старше меня. И я не пускаю его в стычки. Хотя это лишь потому, что от него в драке не больше проку, чем от парадного шлема. Взявшись за меч, Тнота скорее искалечит себя, чем кого-то другого. Мне внизу нужен злобный

проворный ублюдок вроде Ненн. Тнота проверил ремни на моем полудоспехе и зарядил мушкет, пока я выбирал и совал за пояс оружие из притороченного к седлу арсенала. Остановился на коротком широком тесаке и длинном кинжале. Внизу, в ущелье, руку выпростать трудно. Я пару лет тому назад спускался в расщелину. Она не шире закоулка в трущобе.

Ненн в доспехе из вороненой стали выглядела свирепо и боевито. Тнота высек огонь и запалил фитили на мушкетах. Все, артиллерия готова плевать свинцом. Правда, я не намеревался пускать ее в ход. Мушкетная пуля оставляет после себя кровавую кашу. Но, как и сказала Ненн, внизу бывают сквемы. В развороченных кишках земли вообще может оказаться кто и что угодно.

Чем быстрее мы сдернем головы с приспешников и повернем назад, тем лучше.

— Из расщелины можно выбраться лишь в трех местах. Ты помнишь, в каких? — спросил я.

Тнота кивнул и указал: один выход в миле, второй — в полумиле к востоку от первого.

— Отлично. Если мы их спугнем, караульте там, берите их и ждите нас.

— Легкая работка!

— Тнота за начальника! — проревел я.

Похоже, кое-кто даже обратил внимание. И как я, мать его, умудрился найти такое отребье? Двадцать миль в глубь Морока, ни капли бренди и пригоршня швали под рукой. Что-то, мать честная, с моей гребаной жизнью не так.

Вниз идет склон, покрытый щебенкой и древними окаменелыми корнями. Трудно пробираться,

когда от стены до стены семь футов, а ты увешан оружием. И темно. Чуть видно, куда поставить ногу. Из-под нее норовят обвалиться потоки крошева, загрохотать в темноту. Мы изо всех сил стараемся двигаться осторожно. Пыльная расщелина глубока. Наверное, потому враг любит назначать ее местом встречи своих шпионов и приспешников. Наши патрули редко подбираются к ней — уж очень далеко в Морок. Но если и заходят, в темноте не шарят. Даже у нынешних офицеров хватает здравого смысла.

Воздух — холодный и отчаянно сухой. Из камня вокруг торчат корни. До Морока здесь стоял тысячетелный лес. Остались только корни, серые и сухие, будто древние кости. В Мороке нет воды. Иногда попадают нефтяные лужи, но они скорее убивают, чем помогают расти живому.

— Хочу кое в чем признаться,— сообщил я.

— Ты что, вдруг просветился и уверовал? — осведомилась Ненн.

— Вряд ли.

— Захотел оставить меня одну в темноте?

— С какой стати? — сказал я, огибая большой валун.

Я прислонился к нему, приложился чуть сильнее, чем следовало, — и камень посыпался, будто мел. В Мороке истлевают все.

— Суд заплатит больше, чем я сказал. Не много, но достаточно, чтобы задуматься.

— Ты соврал насчет платы? — спросила Ненн.

— Я всегда вру насчет платы.

— Засранец.

— Это да. Кажется мне, наши простые приспешники не такие уж и простые.

— Шпионы?

— Нет. А вдруг она «невеста»?

— В Валенграде нет «невест», — подозрительно быстро завершила Ненн.

Мы спустились ниже, и путаница торчащих из стен корней заслонила свет и ветер. Ненн подула на фитиль — кончик засветился ровным красным огнем. Запах горящего фитиля в темноте действовал успокаивающе. Он похож на аромат горящего дерева — но горче, острее.

— Нам заговаривают зубы, — сказал я. — Люди из цитадели в прошлом году нашли одну. Здоровенную, шириной почти в дом. Ее и сожгли прямо в доме, потом сказали — случайный пожар.

Ненн попыталась фыркнуть. Забавный жест для того, у кого нет носа. Прозвучало странно.

— Да чепуха! — буркнула она. — Просто старая толстая шляха повздорила с каким-нибудь чиновником. Голубокровные шалеют, когда им отказывает девка из простонародья. Поганец сжег бордель, а потом навывдумывал историй.

Ненн верила только в то, во что хотела верить, и ни на унцию больше.

— В любом случае, если внизу «невеста», я своих к ней подпускать не хочу. Ты ж знаешь, что может случиться.

— С чего ты взял, что сможешь противиться «невесте» лучше них?

— Ни с чего. Но я верю в то, что ты, не обращая на меня внимания, разнесешь ей к чертям башку, — выговорил я тихо.

Кривые неровные стены расщелины глушат звук — но осторожность не помешает.

— Мне показалось, или ты и в самом деле просил не портить лицо?

Я свирепо — и бесполезно — уставился на нее. В темноте все равно не видно ни зги.

— Если она — «невеста», просто разнеси ей гребаную голову. Поняла?

— Так точно, капитан Галхэрроу, сэр! Сэр, я разнесу ей гребаную голову. Но обидно, что вся работа тогда впустую.

— Да, обидно. Но альтернатива хуже. Впрочем, если они меченые, деньги мы получим в любом случае.

Я поскользнулся на гальке, Ненн протянула руку — поддержать. Камни с грохотом покатались вниз. Мы замерли. Если клиенты все еще внизу, надо поосторожнее. Болтовня отвлекает. Заткнуться и пораскинуть мозгами. Впереди поворот. Я вскинул мушкет, шагнул. Снова расщелина, ничего больше. Медленный дымок фитиля вился позади в затхлом воздухе. Это к лучшему. Ветер мог бы унести запах вперед, предупредить. Его ни с чем не перепутаешь. А если впереди «невеста», лучше брать ее внезапно.

— Посмотри, свет, — прошептала Ненн.

Из-за следующего поворота сиял бледный, неестественный свет фоса. Я начал красться — насколько это вообще возможно для человека моего веса и габаритов. Наверное, стоило в юности усерднее учиться танцам. Ненн двигалась куда проворней. Чем-то она напоминала бродячих котов из подворотни —

поджарая, жилистые мышцы-пружины, вся — шипение и когти. Она шагнула за поворот с мушкетом на изготовку

Я уже ожидал, что она выстрелит. Но Ненн замерла, и я ступил за нею. Расщелина расширялась, не намного, но пятнадцать футов — почти что площадь для парада, когда торчишь в тесной земной щели. Приспешники устроили уютное лежбище из кучи старых одеял, притащили палки, но не успели развести костер. Рядом лежала пустая бутылка. Светился, мерцая, маленький фонарь. Батарея — виток фоса — уже почти иссякла.

Наша добыча сидела, привалившись спиной к скале. Оба мертвее мертвого. Выпученные глаза, распяленные рты. Сидят рядышком, словно пара жутких марионеток в ожидании кукловода. Живой женщина показалась бы заурядной: уже немолодая, каштановые волосы под белым чепцом, морщинки в уголках голубых глаз. Смерть сделала ее интересной. Я внимательно рассматривал засохшую, растрескавшуюся кровь на лице и платье. Она лилась изо рта, ушей, носа. С мужчиной то же самое. На его униформе — кровь, смешанная с пылью и грязью Морока.

Мне остро, до свербежа в нутре, захотелось удрать. Никаких ран, только масса крови. Давненько я не видал такого. Твари Морока свирепы, но они убивают как звери. С беглецами расправились жестоко, но аккуратно — словно те сидели и ждали, пока их прикончат.

— Да, достало их, — заключила Ненн.

У нее поразительный талант говорить банальности.

— Эта тварь еще может быть поблизости,— указал я.

Непонятно, что за тварь, но она сделала работу за нас. Я втянул ноздрями дым фитиля. Резко и едко. Приятно.

— Она уже далеко. Кровь засохла несколько часов назад,— заключила Ненн, опустила мушкет, усеялась на валун и странно уставилась на приспешников. Давненько я не видел ее такой. Но в чем дело, спрашивать не хотелось. Я нашел небольшую седельную сумку и покопался в содержимом. Может, удастся что-то сбавить маршалу или суду, заработать хоть сколько. А-а, нищие. Банки с соленой рыбой, пригоршня монет — не хватит на приличную ставку. Ни тебе тайных поручений, ни карты вражеских туннелей, ни списка шпионов и приспешников Валенграда. Женщина — «талант», работала на фос-мельнице, он — лейтенант, служил в артиллерийской роте. Оба унесли в могилу причины, по каким решили расстаться с человечеством и удрать в Морок. И мы с Ненн стоим в этой могиле.

Черт, ну что за дерьмо! Столько времени, сил, судьбных денег — и все коту под хвост. И жизни этих тупых голодранцев тоже коту под хвост. Идиотам воды хватило бы на полпути через Морок, не больше, не говоря уже про дорогу к империи. Сплошное кошачье подхвостье.

Время драть головы и когти.

И тут я кое-что разглядел на песке у моих ног. И застыл. И глядел, не в силах пошевелиться, прислушиваясь.

— Надо убираться! Прямо сейчас!

